

После обеда, поскольку на вторую половину дня занятий не было, Су Цзиньчэн вернулся домой.

Он очень любил этот дом. И не только потому, что здесь жили любящие его родители, но и потому, что само здание было невероятно красивым — в точности таким, каким он всегда представлял себе дом своей мечты.

Весь участок, включая сад, занимал пятьсот квадратных метров. Для богатых семей это немного, но для Су Цзиньчэна — в самый раз: здесь было место и для отдыха, и для развлечений, при этом пространство не казалось пустым. По периметру участок был обнесен изящной оградой, по которой вились кусты белых роз. Стоило открыть исполненные в художественном стиле ворота, как взору открывался розовый сад — ярко-алые цветы пышно цвели по всему двору. Рядом с садом стоял массивный белый круглый столик с изысканными чашками и блюдами — идеальное место для неспешных бесед. Миновав выложенную розовыми лепестками дорожку и небольшой пруд, можно было выйти прямо к главному зданию. Вилла была невысокой: всего два этажа и мансарда. Окна главной спальни выходили на розовый сад, так что по утрам можно было любоваться потрясающим видом. Гостиная располагалась с другой стороны и выходила на искусственный ландшафтный парк, что тоже было весьма недурно. Стоит отметить, что у каждой комнаты в доме Су Цзиньчэна был свой полукруглый балкончик: где-то там зеленели цветы, где-то стояли спортивные тренажеры — словом, это был своего рода мини-уголок для досуга.

Комната самого Су Цзиньчэна была лучшей во всем доме. Каждое утро, глядя на рассвет, он чувствовал, как внутри рождается совершенно новое настроение.

Когда он ступил на дорожку, усыпанную лепестками, внезапно раздались низкие звуки виолончели. В них не было дерзкой яркости скрипки, лишь глубокий, сдержанный, но в то же время страстный тон.

Подняв голову, он увидел Лю Сюянь, сидящую на балконе своей комнаты. Она была погружена в игру, закрыв глаза, и этот образ стал самой прекрасной картиной, которую он когда-либо видел.

— Чэн-чэн, вернулся? — музыка внезапно оборвалась, вырвав Су Цзиньчэна из оцепенения.

— Вернулся. Мама, ты сегодня такая красивая!

И это была чистая правда. Лю Сюянь выглядела великолепно: белое платье, легкий макияж. Даже просто внешне она была красивее многих актрис, которых Су Цзиньчэн видел в своей прошлой жизни, не говоря уже об аристократической утонченности, которую невозможно было скрыть.

Осторожно отложив виолончель, Лю Сюянь поманила его рукой, приглашая подняться.

Су Цзиньчэн придвинул стул и селся рядом с ней.

— Чэн-чэн, почему я в последнее время не видела, чтобы ты занимался?

(“□”) Могу ли я сказать, что не умею? — Су Цзиньчэн горько усмехнулся про себя, но вслух ответил: — В последнее время был занят, мама. Как только появится свободное время, я обязательно буду практиковаться.

Видя, что слова сына расходятся с делом, Лю Сюянь почувствовала легкую досаду. Она с самого детства приучала его к виолончели, но, похоже, Чэн-чэну это было не по душе. Может, стоит... оставить всё как есть? Хотя она и чувствовала разочарование, счастье ребенка было для неё важнее всего.

— Чэн-чэн, тебе не нравится виолончель? Если душа не лежит, можешь больше не учиться.

Су Цзиньчэн опешил. В воспоминаниях прежнего хозяина тела с самого осознанного возраста ежедневные занятия виолончелью были обязательной повинностью. В детстве, не имея возможности возразить, он проводил за инструментом по несколько часов в день, поэтому выучил не только виолончель, но и скрипку. Однако, повзрослев, он почти забросил практику — хорошо, если час в день набирался. А после того как прежний владелец покончил с собой и пришел Су Цзиньчэн, он вообще ни разу не притронулся к инструменту.

Дело было не в нежелании учиться, а в страхе разоблачения. Несмотря на чужие воспоминания в голове, сам он никогда не занимался столь дорогим искусством и боялся, что если начнет играть, родители мгновенно всё поймут.

Поэтому, услышав слова матери, Су Цзиньчэн в глубине души почувствовал облегчение. Но, вспомнив, что это было единственным талантом прежнего «я», он ощутил легкое сожаление. К тому же... если он хочет стать «мужчиной мечты», нужно быть разносторонней личностью! Он и сам планировал освоить какой-нибудь музыкальный инструмент, так не будет ли глупо бросать виолончель?

— Мам, дай мне подумать, хорошо? — Су Цзиньчэну требовалось время, чтобы всё обдумать.

— Хорошо, думай. Чэн-чэн, что бы ты ни решил, я просто хочу, чтобы ты был счастлив. — Лю Сюянь погладила сына по голове. Она смирилась: хотя ей очень хотелось, чтобы сын унаследовал талант бабушки и стал виолончелистом — это была бы отличная страховка на случай проблем с учебой, — заставлять его через силу она не могла. Жаль только, что талант пропадает...

— Мам, ты куда-то собираешься? — заметив, что атмосфера становится напряженной, Су Цзиньчэн поспешил сменить тему.

Обычно Лю Сюянь дома не красилась — косметика означала, что ей нужно по делам.

Так и оказалось...

— Мне нужно заехать в студию.

— Э-э, может, не стоит? Раз я вернулся, побудь дома со мной. Отец ведь тоже уехал по делам.

Лю Сюянь всё еще беспокоилась за сына. Подумав о своих делах в студии, которые были не такими уж важными, она решила, что спокойнее будет остаться дома.

Су Цзиньчэн замахал руками, показывая, что нянька ему не нужна. Он целый месяц потратил на то, чтобы убедить родителей, напуганных его состоянием и ходивших за ним по пятам, снова начать выходить из дома. Он не хотел, чтобы они откладывали свои дела ради него. К тому же, когда за тобой постоянно следят... это то еще удовольствие.

— Ты точно справишься один? — Лю Сюянь всё еще сомневалась.

— Справлюсь. Почитаю книгу, посплю днем. И я буду держать связь по коммуникатору, — решительно заявил Су Цзиньчэн.

— Ну ладно. Мама пошла. Только никуда не уходи, хорошо? — Лю Сюянь наставляла его, как маленького ребенка, и еще полчаса не могла уйти. Ее опека была для Су Цзиньчэна почти невыносимой.

Наконец проводив мать, Су Цзиньчэн зашел в комнату для занятий музыкой на первом этаже. Просторное помещение с зеркальными стенами, в центре — несколько стульев и подставки для нот. На стене за стульями в ряд висели виолончели разных моделей — целая история взросления. От самой первой, детской, до той, на которой играли в последнее время — всё было бережно сохранено.

Взяв одну из виолончелей, Су Цзиньчэн сел на стул, принял правильную позу, следуя памяти тела, и, вспомнив ноты, которые чаще всего всплывали в сознании, начал играть.

Техника была неуклюжей, звук — не самым приятным, но движения оставались грациозными.

Глядя на свое отражение в зеркале, Су Цзиньчэн нахмурился: до прежнего хозяина ему было далеко...

Хотя тот и не любил виолончель, играл он на профессиональном уровне. В его исполнении не было души, но техника была безупречной.

Эх! Похоже, этот навык для пускания пыли в глаза потребует еще долгой работы.

Однако, вспомнив о своем «чите», он успокоился. Попробовав сейчас, он понял, что память мозга и мышц сохранилась, а значит, он сможет восстановить мастерство в кратчайшие сроки. Это куда лучше, чем начинать с нуля!

Прошло несколько часов. Как он и предполагал, тело и память постепенно сливались воедино: движения стали увереннее, а звук — уже не таким режущим слух.

Значит ли это, что всё, что умел прежний хозяин, теперь умеет и он? Глаза Су Цзиньчэна блеснули, но тут же погасли...

К сожалению, прежний владелец больше ничего не умел. Единственным, что он освоил хоть как-то, была виолончель, но и к ней у него не лежала душа.

Эх...!

Рассчитав время возвращения родителей, Су Цзиньчэн вышел из музыкальной комнаты, вернулся к себе, повторил пройденный материал и заглянул в завтрашние уроки.

Поскольку родители ушли, он не собирался готовить ужин — они сами принесут еду.

В отличие от того, что он видел в старых фильмах, еда будущего не была отвратительной. Невкусными были только питательные растворы для больных, специально сбалансированные для максимального усвоения веществ. В остальном же еда почти не отличалась от деликатесов XXI века, а иногда была даже вкуснее — конечно, если речь шла о ресторанах высокого класса. В обычных кафе чаще готовили роботы: идеальная температура, точные пропорции специй — всё было неплохо, но не хватало той самой человеческой искры.

— Мам, а в этом месте действительно вкусно! — восхитился Су Цзиньчэн, попробовав пирожное с дыней и дурианом.

Сладкое, нежное, не прилипающее к зубам — ароматы дыни и дуриана идеально дополняли друг друга. Хотелось съесть еще.

— Рада, что тебе нравится. Чем сегодня занимался? — Лю Сюянь начала свой ежедневный допрос.

Су Цзиньчэн, смирившись, ответил, но умолчал о тренировках в музыкальной комнате.

Отложив палочки, он серьезно посмотрел на мать:

— Мам, со мной всё в порядке. Перестань так волноваться. Если что-то случится, я сам вам скажу. Вы и так загружены делами, мне больно видеть, что вы постоянно беспокоитесь обо мне. Я в норме, больше никаких глупостей не будет!

Лю Сюянь не обратила внимания на его слова и лишь спокойно произнесла:

— Откуда мне знать, что ты не просто болтаешь? Поменьше выкидывай фокусы в ближайшее время. Будешь вести себя хорошо — через какое-то время я перестану тебя контролировать, а пока сиди смирно.

Острый момент прошел, прежняя тревога улеглась, и Лю Сюянь вернулась к привычному тону общения с сыном.

Получив нагоняй, Су Цзиньчэн мог только молча продолжать жевать свой десерт. ㄣ(┐-┐)ㄣ

Прежний хозяин, ну и подставил же ты меня!!!

<http://bllate.org/book/18945/1856958>